

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

Нераскрытое преступление 1984 года

Юрий Михайлов Нераскрытое преступление 1984 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21576364

ISBN 9785448329098

Аннотация

Повесть «Нераскрытое преступление 1984 года» пролежала в столе 30 лет... Не хотели печатать, тогда подобного в стране не могло быть по определению. Намеревались: надо переписать, большие люди – слишком узнаваемы. В 90-е годы прошлого столетия – уже никого не удивишь такой смешной коррупцией, о которой говорится в повести. Бесспорно и то, что у молодого журналиста маловато жизненного опыта... И всё-таки одно, главное, в повести бесспорно: она правдивая, почти документальная.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	27
Глава четвертая	35
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Нераскрытое
преступление 1984 года
Юрий Михайлов**

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-2909-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Вот и все. Отстучала земля по крышке гроба, обитого красным бархатом. Я схоронил школьного друга Гену Петрова. Его жена, Таня, не плакала, смотрела сухими глазами. Маму Геннадия, тетю Дусю, отнесли в автобус, потом ее забрала «Скорая помощь».

Я отошел к старой искривленной сосне, от которой начиналась аллея. По ней бегал маленький визжащий поросенок, сбежавший из сарая сторожа. В толпе милицейская форма выделялась на фоне гражданских пальто и плащей. Было много одноклассников. Они кивали, поднимали руки для приветствия. Молчали. Думали, что еще успеем поговорить позже, не сейчас.

Раздражал лысый полковник в позолоченных погонах и очках. Он покрикивал на почетный караул, расчищал дорогу генералу, вышедшему из машины, что-то шептал ему на ухо. Другой полковник, седой, коренастый, неподвижно стоял у края могилы. Прощаясь, он крепко поцеловал Геннадия в черные губы. В морге Гену старательно заgrimировали. Правый глаз и большая часть лба были перевязаны бинтом, от чего он походил на раненого солдата.

Подошел седой полковник, молчавший во время панихиды, повертел в руках очки с толстыми стеклами, сунул их в карман и сказал:

– Нелепость, – долго молчал, – мне докладывали, вы друг Геннадия Николаевича. Вам могу сказать, почему все так произошло...

– Что все? – перебил я его.

– Нелепость вся эта... Приходите завтра в райотдел. Уголок памяти капитана Петрова сделаем. Слова нужны будут. Бумагу поможете составить...

Я молчал.

– Понимаю. Мертвому ему ни к чему...

– Полковник Кузьмин! – я вздрогнул от резкого голоса. – Надеюсь, на поминках не будете отмалчиваться? Это поручение отдела по политико-воспитательной работе УВД, наконец... – лысый полковник не успел договорить.

– Да, Фетров. Отмалчиваться не буду. Я – к генералу, – бросил Кузьмин на ходу.

– Старость, – сказал Фетров. Он смотрел на меня через запотевшие очки. Снял их, достал из записной книжки лайковую тряпочку и тщательно протер стекла. – Как столица? – спросил. – Читали ваши опусы. Крепко сбито. Завидую. Сам когда-то грешил, был редактором одного издания, правда, милицейского. А вот сейчас отдел городского управления возглавляю... Сколько бесед провел с капитаном Петровым. Строптив был, покойник, неуживчив.хлопот с ним... Как-то привел ко мне на квартиру семью патрульного сержанта. Вот, говорит, будет у вас жить. Я не сдержался, виноват, рывкнул, скомандовал им «кругом» и «марш». Он попросил

сержанта, а у того малыш на руках, подождать у подъезда. А мне говорит: «Слово надо держать!» Как дитя, право дело. Ведь не буду я объяснять ему, что обещанную квартиру при-смотрел наш главный кадровик из управления. Между прочим, ветеран войны... А вы надолго? – без перехода спросил он, увидев, что к нам направляется первый секретарь обкома комсомола Светлана Абалкина, моя однокурсница по институту.

– Доброго здоровьечка, Светлана Аполлинарьевна, – по-приветствовал Фетров, вскинув руку к фуражке.

– Поедем со мной, – сказала она мне.

– Куда?

– Надо. Поговорить хочу, – и, не дожидаясь ответа, пошла к стоянке автомашин.

В машине молча смотрели друг на друга. Светлана сказала:

– Ты мало изменился...

– Как твои дела?

– Что мои? Старая дева. Некогда мужа подобрать...

А ты как?

Я пожал плечами.

– Помоги разобраться. Ты – школьный товарищ Геннадия. Твой интерес здесь оправдан. Как все глупо получилось!

– Что все? – задал я тот же вопрос, что и старому полковнику.

– Зачем я пошла на поводу у Петрова? Отпустила его

в милицию. Ведь он же совсем неподготовленным был.

– Свет, тысячи людей идут в органы МВД. И ничего. Осваиваются. Делают конкретное дело...

– Но он-то шел как виноватый. Ты думаешь, я не знаю, что он влезал в самое пекло. Все знаю. Кое-кто хотел бы представить его не в том свете...

А в каком свете, думал я, можно представить Генашу Петрова? Он всегда был для меня в чистом свете. Второй день ношу в кармане телеграмму: «Погиб Генаша. Похороны субботу» и второй день не могу поверить в случившееся.

...Прочитал телеграмму, бросился к телефону. Частые гудки сменялись длинными, абонент молчал. Позвонил жене:

– Я сегодня уеду...

– Опять что-нибудь? – сказала она, – возьми сына из садика...

– Дня на три. Может быть, больше.

– А что сказать детям?

– Скажи: у папы погиб друг, уехал его хоронить... – то, что говорила жена, я уже не слышал.

«Жигули» завелись сразу. Бензина, думаю, хватит, чтобы заправиться основательно уже на выезде из города. Телеграмма лежала в кармане. Я несколько раз пытался достать ее, но в последний момент передумывал. Подъехал к редакции, поднялся на шестой этаж, не дожидаясь вечно занятого лифта.

– Редактор не приходил? – спросил секретаршу. – У меня друг погиб. Предупреди Виктора, что я уехал. В понедельник – буду. Если что, позвоню.

– Напиши записку...

Сбежал по лестнице. Думал: что-то я не доделал. Нет, что-то я не то, не так делаю. Я не верил телеграмме. Надо остановиться. Потом. В машине.

За город выбирался долго. На кольцевой дороге заправил бак и, наконец, вырвался на загородное шоссе. Я все время думал о Геннадии. Последний раз мы виделись несколько лет назад. Прилетел я с Севера, где работал в газете, перед самым Новым годом. Был вечер: таксист ворчал, одинаковых домов на бывшей окраине с традиционным названием «Сортировочная» настроили много, а дороги остались старыми, с колдобинами и колеями от тяжелых «МАЗ»ов.

Дверь открыла молодая женщина. Из квартиры доносились детские голоса, бас дяди Коли, отца Геннадия.

Разглядел милостивое лицо Татьяны. Рот по-детски чуть-чуть приоткрыт, в черных глазах что-то домашнее.

– Вы – Таня!

– Да...

– Я – Андрей. С Севера...

– Генаша, это Андрей!

Он крепко обнял меня:

– Ну-ка, выйди на свет, – и вытащил меня в большую комнату.

На диване сидели отец и мать. Из-под большого стола высовывались две русые головки – сыновья. Татьяна прошла на кухню, загремела посудой.

Друг мой возмужал, а, может, и постарел. Волосы поредели, большие залысины делали его намного старше. Во рту блестело золото. Говорил он с паузами, медленно. Голубые глаза – вот что осталось без изменения.

Институт Геннадию пришлось заканчивать вечерний: как-то вдруг сразу сдал отец, ушел на пенсию по инвалидности. Он устроил сына в свою бригаду на текстильную фабрику, учеником печатника. Любил говорить: «Сын в меня пошел, продолжает мое дело».

Дядю Колю, крупного, костистого мужика, на текстильной фабрике любили. Он всю жизнь проработал в печатном цехе, исключая четыре года войны. Тетя Дуся, маленькая, беленькая, доходила мужу до подмышек, была словоохотлива. Прямо из деревни пришла в областную газету курьером, доработала до пенсии, и вот уже который год – вахтер редакции. Это она в свое время посоветовала мне поработать в газете курьером, раз есть тяга к писанию. Мы с год виделись почти ежедневно, когда вечерами я приносил корректуру. Она надевала очки, просматривала полосы и, если находила мою заметку, то радовалась, наверное, больше, чем я.

Когда Генка стал работать, мы виделись реже. Потом я учился, служил в армии. Мы писали друг другу письма, вспоминали наших друзей. А когда я уехал на Север, встречались

совсем редко. Но я знал о нем, кажется, все. Были у меня новые друзья, женился, мотался по городам и стойбищам оленеводов, а о Генке помнил всегда. Его письмам радовался искренне, отвечал ему длинными посланиями.

И вот я снова вижу все его семейство. Разговор повел дядя Коля:

– А что, Андрей, про Китай слыхать?

Мать толкает мужа в бок, смеется, прикрыв рот маленькой ладошкой:

– Чай, с дороги человек...

– Он редактор сейчас. Должен знать!

– Потом, батя, все потом, – говорит Генка. – У тебя есть что-нибудь? – он сжимает кулак с двумя оттопыренными пальцами.

– Ха-ха-ох-ох! – смеется отец. – Была. Да мать вот березовых почек туда набросала. Отравила отраву! – и опять смеется.

– Эх, лекари-пекари. Сроду в доме нет запаса, – говорит Генка и начинает лихорадочно одеваться.

– А тебе и не положено в доме иметь, – ерничает отец. – Ты теперь сам людей воспитываешь...

– Ну, ты даешь, батя... – отмахивается сын.

– Ночь на дворе, – говорит уже серьезно отец. – А Андрей устал с дороги.

Пьем чай с вареньем, беседуем. Дотошно выпросив все о моем житье-бытье, родители Гены вдруг разом подня-

лись, стали укладываться спать в своей комнате. Татьяна уже с полчаса возилась с двойняшками, кто из них Андрей, а кто Саша, я так и не научился различать. Приятно было услышать, что первенького, появившегося на свет малыша, назвали как и меня – Андреем.

– Ты теперь у него вроде крестного отца, – сказал дядя Коля, – хоть и не крещеные оне.

Мы остались за столом вдвоем с Геннадием. Доедали домашний салат да капусту с клюквой, которую в этом году удалось собрать на болотах всего лишь ведро. «Захирел торфяник, – басил дядя Коля, – кругом „милиорацию“ провели. Ни грибов, ни ягод, ни хрена не стало». А раньше они клюкву бочками мочили.

Геннадий тихо, с паузами рассказывал о себе. Институт закончил хорошо, с фабрики не захотелось уходить. Был мастером, начальником цеха. В неполные тридцать стал руководить отделочным производством, членом парткома избрали. Фабрика выросла до комбината, в его подчинении не одна тысяча рабочих.

– А в прошлом году избрали освобожденным заместителем секретаря парткома, – закончил рассказ Геннадий.

Помолчали. О моей жизни он не спрашивал. Но дал понять, что кое-что знает, читал мои заметки в центральных газетах. Лишь раз спросил: «Не пора ли в родные края?».

Я уклонился от ответа, говорил, что Север затягивает, мне очень хорошо и на работе, и с друзьями, и в семье...

– Твои ребята сейчас в областной газете у руля. Ты только «захоти», – вдруг сказал он, когда мы стояли на остановке, уже не надеясь, что троллейбус когда-нибудь пойдет по маршруту. А таксисты редко навевались сюда. Надежды, что в ночи мигнет зеленый огонек, не было никакой.

Я опять промолчал. Генка, обняв меня, сказал:

– Ничего, брат, у тебя есть главное: ты хорошо пишешь. Я горжусь тобой...

И в это время из-под горы показался троллейбус, медленно подполз к остановке, едва осветив асфальтовый пяточок тусклым светом салона.

Мы расцеловались. Я не знал, сколько пробуду в городе, когда полечу назад. До Нового года оставался один лишь день.

Больше я Геннадия не видел. На второй день Нового года я улетел на Север. Летом в моей редакции работала целый месяц бывшая однокурсница по институту Ирка Окунева. Она хорошо знала Геннадия, рассказала, как необычно сложилась у него жизнь.

На пленуме обкома должен был выступить секретарь комитета комсомола Генкиного хлопчатобумажного комбината. Но попал в автомобильную аварию. И партком решил, что выступить должен заместитель секретаря парткома – Геннадий Николаевич, куратор комсомола. По словам Ирины, Геннадий выступил блестяще, его речь полностью напечатала областная газета. А потом его пригласила на беседу пер-

вый секретарь обкома комсомола Светлана Абалкина. Человек практичный, деловой, она не крутила, а сразу выложила, что хотят, мол, Геннадию предложить комсомольскую работу. Благо, возраст вполне подходящий.

Генка растерялся. А то, что он сразу отказался от предложения, даже не зная, что ему могут поручить, Светлане даже понравилось. Она встречалась с парторгом комбината, директором, первым секретарем райкома партии. Настояла-таки на своем, и Геннадия избрали первым секретарем Ленинского райкома комсомола. Район – старый, окраинный, с большим количеством текстильных фабрик, тысячами молодых работниц, приехавших со всей страны и живущих в общежитиях.

Я, помню, тогда, с большим опозданием послал Геннадию шутивную телеграмму, назвав его предводителем огромной армии невест.

Он ответил обстоятельным письмом. Показалось, что ему хорошо. Захотелось увидеться, но не получилось сразу: в то время я делал несколько материалов для центральной газеты, которая позже и пригласила меня на работу.

...И вот эта телеграмма.

– Ты устал... – Светлана прикоснулась к лицу. Я прижал худые пальчики к губам, стал целовать их. Слезы набежали неожиданно. В них было все: и боль за Геннадию, и радость от встречи со своей первой любовью, и тоска по ушедшим годам. Она, касаясь моего лица, шептала что-то ласко-

вое, словно мать, успокаивающая ребенка.

Подъехали к старинному особняку с высоким чугунным забором. Красное кирпичное здание обкома едва виднелось за огромными, сочно-зелёными липами.

– Светлана Аполлинарьевна, вам несколько раз звонили из приёмной... – быстро заговорила секретарша.

– Кто?

– Помощник первого.

Прошли в просторный кабинет. Четыре продолговатых окна, почти полностью закрытых кронами лип, слабо освещали помещение. Светлана сняла пальто, я повесил его во встроенный шкаф. Подошла к столу, включила лампу с ярким зеленым абажуром из ситца. Сели: она за стол, я – сбоку, закурил.

– Детишкам пенсию хлопочем, при случае, успокой жену Геннадия. Ведь он остался членом обкома. Наш был. – И вдруг без всякого перехода: – Глупо, ох как глупо, Андрюша, что отпустила его.

– Что ты себя казнишь? Уже ничего не исправишь.

– А ты знаешь, что заявил Фетров в обкоме? Сказал, что Петров сам шел к этому ЧП. Панибратство допускал с подчиненными. Разрешал называть себя на «ты». Лез куда не надо. А дело не знал.

– Ну, а ты что?

– Вспылила, сказала, что он был любимец не только коллектива милиции. Дошла до оскорблений Фетрова, за что по-

лучила замечание от секретаря. Но он поручил генералу Миронову разобраться и доложить ему лично. Ты встретишься с Сергеем Максимовичем? Ты должен помнить его: он работал до милиции в обкоме.

– А честь мундира?

– Глупости. Миронов – не такой.

– Давай разберемся, – сказал я. – Спокойно разберемся во всем. Как Гена попал в милицию?

– Геннадий стал первым секретарем далеко не лучшего райкома. Их оперативным комсомольским отрядом никто не занимался, он по существу стал беспризорным. Дружинники почувствовали свободу, стригли длинноволосых, дрались с хулиганами, обыскивали прохожих. Стали выпивать. На это нужны, естественно, деньги. Тогда они пошли по ресторанам, высматривали подвыпивших посетителей, уводили их в штаб отряда. Там отбирали деньги, запугивали, и те молчали.

Как-то попался им в ресторане главный инженер одного солидного предприятия, отмечал получение премии. Они привели его в штаб, обнаружили при нем крупную сумму денег. Взяли все. Но он не испугался. Сказал, что будет жаловаться. Его били. Потом погрузили в машину и вывезли за город. К утру он скончался. А те – сначала пили, потом молчали. Весь город кипел, когда следствие установило, что преступники – дружинники. Милиция пыталась замять следствие. Но дело все же дошло до суда. Все руководство

отряда сейчас в колонии строгого режима.

А Геннадия слушали на бюро райкома, хотели освободить от работы. Но он—то и года не проработал. Объявили ему строгий выговор. Он был потерянным. Не оправдывался, с наказанием – согласен. А потом попросился работать в милицию. И начальник райотдела милиции Кузьмин Трофим Кузьмич за него просил. Того тоже наказали. Хотя он сразу, как узнал, доложил о преступлении в горуправление. Но там постарались затянуть дело, посоветовали молчать. Это Кузьмин ходил в прокуратуру, оставил там рапорт...

Светлана попросила у секретарши чаю. Я понял, что мы подошли к главному в нашем разговоре. И, действительно, она сказала, что рассчитывает на мою помощь и что за доброе имя Геннадия надо бороться. Я и сам чувствовал, что во круг моего школьного друга накаляются страсти. Но в то же время, никак не мог понять, в чем можно было обвинить Геннадия. Он погиб на посту, при исполнении служебных обязанностей. Его уже не вернешь, а поэтому разве важно, кто и как думает о нем...

– Пойду, пожалуй, – сказал я.

– Подожди. Я соскучилась. Давай посидим еще...

– В другой раз.

– Куда ты?

– К Татьяне, тете Дусе...

– Ты прости меня...

Вышел из кабинета, спустился по лестнице. Прошел мимо

огромного, в полный рост зеркала, в котором промелькнул худой, высокий человек в больших очках, с поднятым воротником плаща. «Что-то раскис, – подумал о своем отражении в зеркале. – Куда теперь? Поминки, наверное, у Таниных родителей. Адреса не знаю. Поеду к Геннадию на квартиру». Ключи еще утром сунула мне тетя Дуся.

Во дворе вдруг почувствовал страшную слабость. Сел на лавочку под липой. Руки упали на крашеные доски скамейки, на лбу выступили капли пота. Что это, сказывается бессонная ночь? Вспомнил, как въезжал в город, безлюдный, освещенный кое-где тусклыми светильниками. Куда ехать? Родственников и близких в городе не осталось, мама давно живет у дочери, так и не найдя общего языка с моей дорогой «Фелуменой». Конечно, прямо к дяде Коле и тете Дусе. Я умышленно не произносил имя Геннадия. Он был живым для меня, но уже что-то не позволяло мне произносить его имя: Генка, Гена, Генаша.

Удивительно быстро нашел их улицу, только с подъездом перепутал. Понял это, когда глухой женский голос из-за двери на втором этаже спросил:

– Кто тут?

– Мне бы Петровых.

– Это у которых сын погиб? – пауза. Но дверь не открылась. – В следующем подъезде, четвертом...

Кажется, не успел нажать кнопку звонка, как дверь открылась. Тетя Дуся молча, медленно махая рукой и беспрерывно

пяться, вела меня за собой. В черном теплом платке она походила на монахиню. Та же большая комната, та же мебель. От низкого бра свет доходил только до пояса, все остальное пространство – в полумраке.

Мою шею обвили легкие, доверчивые руки. Голова, раскачиваясь в такт словам, длинным, растянутым, билась о мою грудь:

– Скрылось наше солнышко... Осиротило нас, сделало сиротами деток своих. Господи, за что все это, нам старикам, пережившим кровинушку свою...

Тетя Дуся разжала пальцы и стала медленно сползать вниз. Я пытался подхватить ее, но не успел. Она выскользнула из рук, повалилась на пол и тихо завывала.

Из детской выбежала Таня, застегивая на ходу халат. Мы подняли тетю Дусю на диван, укрыли черным платком. Она тихо всхлипывала, из глаз текли слезы. Лежала неподвижно, не замечая и не вытирая слез.

– За эти дни первый раз заплакала, – сказала Таня. – Может, полегчает ей...

Присели на край дивана, рядом с матерью.

– А Генаша в морге. – Таня говорила, боясь заплакать, сбивчиво, торопливо. – Детей я к родителям отправила... Он этот год в милиции работал. В районе большая неприятность была. Его дружинники убили человека. Он потерянным был, говорил, что это его вина, на его совести жизнь человеческая...

Лицо у Тани исказилось гримасой, зрачки расширились, из горла вырывались какие-то слова:

– Сам... смерть... не долго... искать пришлось...

Я поднял ее, отвел в детскую комнату, уложил на диванчик, такой маленький, что удивился, как она могла спать на нем. Сел к телефону, дозвонился до Адольфа, двоюродного брата Геннадия. Он не удивился столь позднему звонку, будто ждал его, только спросил: «Там плохо, да? Мне приехать?»

Сказал ему, что приезжать не надо, но было бы хорошо, если бы он рассказал, что произошло на самом деле. Адольф, любивший Генку больше родных братьев, говорил долго, со всеми подробностями, видно, что он в курсе всех дел.

В общем, Геннадий попросился на работу в райотдел милиции. Начальника отдела зовут Трофим Кузьмич, его тоже наказали по партийной линии за дружинников. Вместе проглядели они оперативный отряд. Трофим Кузьмич взял его замполитом, райком партии утвердил. На бюро им сказали: оба и исправляйте положения, раз виноваты, проглядели. Вот Генаша и работал с утра до ночи. Адольф рассказывал, будто мы сидели с ним рядом, не требуя ни вопросов, ни уточнений. Я молчал, слушал, не перебирая.

Геннадия почти и не видели в этом году домашние. Он стал форму милицейскую носить, звание капитана получил. А работу-то эту, продолжал Адольф, он не знал, страдал, но молчал. Говорил, что нравится: конкретная работа

с людьми.

В этот вечер им в райотдел сообщили, что пьяный мужик закрылся в доме и палит из охотничьего ружья в каждого, кто его окликнет. Белая горячка, наверное, началась. Там уже был наряд милиции. Но что могут двое человек сделать? Вызвали по рации подкрепление. Ни начальника, ни зама по оперативной работе в отделе не было. Один Генаша из начальства оказался на месте. Он взял людей в машину и помчался на помощь. К дому не подступиться: бьет этот зверь и в окна, и в двери. А район-то наш, Гена хорошо там людей знал, почти со всеми на комбинате работал. Он расспросил соседей, а те сказали, что это Головков закрылся, из ткацкой фабрики, возчик. Гена вспомнил его. Рассказывают потом, постоял он, подумал и пошел к дверям. Вплотную подошел и говорит тихо так: «Головков, а Головков. Ты что это, хрен моржовый, буянишь? Завтра опять ведь плакать будешь перед коллективом. Но мы тебя уже больше не простим». Молчит тот, в доме-то. Генаша говорит: «Давай-ка, открывай дверь. И ружье сдай мне...»

– А ты с кем? – донеслось из-за двери.

– Один, один я. Ты узнал меня, я – Петров Геннадий Николаевич.

– Подойди к окну, отдам ружьишко. А то я двери подпер – открыть не могу.

Гена вышел к окну, а из него два огненных столба. Один прямо в лицо, второй – в сердце. Второй-то патрон с жака-

ном был. Гена на несколько метров отлетел. Уже мертвый. Ты и не узнаешь его по лицу-то, изуродовал его, подлец, всего.

Пока перезаряжал тот ружье, милиция вломила в окна, связала Головкова. Народу – целая улица. Растерзать его хотели, да милиция не дала. А Гену все знали: и по комбинату, и по комсомолу. Господи, сколько, слез было, пока его тело несли...

Остаток ночи я не спал. Тетя Дуся и Татьяна постепенно успокоились. Вскипятили самовар, рассказали за чаем, что дядю Колю пришлось госпитализировать. Микроинсульт с ним случился после смерти Генаши. Но врачи успокоили: он выкарабкается. Родственников много приехало на похороны, остановились у Таниных родителей. Там свой дом, просторный. К похоронам все готово, от милиции его повезут на кладбище. И уже не завтра, а сегодня.

На улице вставало солнце...

Глава вторая

К моей скамейке в сквере подошел капитан милиции, представился:

– Старший инструктор политотдела Стулов. Полковник Фетров приказал дожидаться вас и проводить до РОВД. Там поминки...

– Я бы не хотел... То есть, я хочу поехать на квартиру погибшего...

– Его жена и мать тоже в райотделе. А потом поедете к родственникам. Так распорядился полковник Фетров.

Ехали молча. Меня усадили на переднее сиденье милицейской «Волги» с радио и маячком. Сержант за рулем лихо вел машину, нахально проскакивал на красный свет. Замелькали старые, красного кирпича неуклюжие дома. В одном из них я жил почти десять лет. Огромные, почти в сто метров длиной коридоры, на весь этаж одна кухня – место общих сборищ. Двери комнат – друг против друга. Все общее: заботы, радости, печали. Сюда частенько прибегал Генаша. Моя мама кормила нас, в остальное – не вмешивалась. Уроки готовили сами, гуляли по просторным коридорам всех четырех этажей, встречались с молоденькими фэзэушницами, прибавляя себе в возрасте. Если нам не верили, то солидно доставали красные книжечки ДОСААФ, которые хранили тайну: возраст в них был записан на два года старше...

Райотдел милиции располагался все в тех же старинных двухэтажных домишках, разбросанных на целый квартал.

– А вот и знаменитый журналист товарищ Мартынов, Андрей... , простите, не знаю по отчеству, – сказал Фетров, как только мы с капитаном открыли дверь в Ленинскую комнату.

Столы стояли в три ряда. У дальней стены, возле трибуны, соединены поперечным столом, за которым восседали четыре полковника. Фетрова и Трофима Кузьмича я уже знал. Остальные поочередно представились. Первый оказался заместителем начальника областного управления по кадрам. Второй – Капонин, молодой, подтянутый – возглавлял в облуправлении уголовный розыск.

Трофим Кузьмич усадил меня с собой. С другой стороны стола притулились Татьяна и тетя Дуся. Над трибуной, выше наших голов, в траурной рамке висел портрет Геннадия. Перехватив мой взгляд, Фетров, наклонившись через Кузьмина, зашептал:

– Я дал команду. Все-таки это Ленинская комната... А они и портрет забыли. – Он поднял голову, посмотрел на Кузьмина. Тот вяло сказал:

– Это единственное место, где можно собраться. И занятия проводим, и вечера. Чего ж тут грешного?..

– Вот вы всегда так. Это же место для политических мероприятий...

– Сегодня тоже политическое мероприятие, – сказал Кузьмин, хотел еще что-то добавить, но неожиданно отодвинул-

ся от стола и встал. Медали на его груди тихо звякнули. Он осмотрел зал. Все затихли.

– Товарищи! Сегодня мы проводили в последний путь нашего соратника, бойца, друга, любимого сына, мужа и отца – Геннадия Николаевича Петрова. Смерть нелепо вырвала его из наших рядов. Кто-то склонен считать, что к этому трагическому концу капитан Петров пришел сам. Неправда это!

Кузьмин долго молчал. Заговорил совсем тихо, в раздумье:

– Смелость – она всегда остается смелостью. Да, он нарушил наши инструкции. Не стал посылать под огонь более обученных и подготовленных сотрудников. Он принял огонь на себя. Но ведь от этого никто не был застрахован. На его месте могли оказаться сержанты Стеклов, Трухин, участковый инспектор капитан Зимин. Петров знал преступника, ему казалось, что не может даже самый озверевший бандит стрелять в безоружного человека. Он верил, понимаете, верил людям. И мы должны запомнить это светлое чувство, которым обладал наш замполит. Как профессионалы, мы должны до конца быть честными, чтобы детям его, сказать со временем, что отец их был настоящим героем.

Выдержав паузу, Трофим Кузьмич закончил:

– Не надо ради спасения чести мундира искать вину в поступке замполита. Он до конца выполнил свой долг. Он поступил так, как ему велела совесть, как поступали в годы войны... Я это знаю. Я это видел на фронте...

– Простите, – не дав закончить Кузьмину, поднялся Фетров. – Трофим Кузьмич, конечно, заслуженный человек, ветеран. Но полковник Кузьмин глубоко ошибается. Мы, и начальство в управлении придерживается той же точки зрения, не можем брать с капитана Петрова пример. Именно потому, товарищ полковник, что, говоря вашими словами, мы профессионалы. Мы не должны лгать себе. Как мы можем учить новое поколение на поступке капитана Петрова?! Я правильно говорю? – повернулся Фетров к замначальника управления по кадрам. – Насколько мне известно, и товарищ генерал Миронов такого же суждения. Да и в обкоме партии...

Зал загудел. Присутствующие на поминках офицеры, рядовые поставили стаканы, стали переговариваться друг с другом.

– Сядь, Фетров, – тихо сказал Кузьмин. – Ты все-таки на поминках, а не на коллегии управления докладываешь. И что ты трясешься? Я пока начальник РОВД, я и отвечу...

Фетров растерялся, сел, хотел снова наклониться ко мне, но Кузьмин оперся о стол. Тогда Фетров повернулся в сторону полковника из кадров и что-то стал ему говорить.

– Трофим Кузьмич, – сказал я, – наверное, мне надо забрать Татьяну и тетю Дусю и уехать. Там родственники ждут.

– Не прощаюсь. Мы еще увидимся, – сказал полковник Кузьмин. – Машину возьмите в дежурной части.

Глава третья

– Сегодня же выходной...

– Я, кажется, вчера наобещал встреч.

– Не ходи никуда, пожалуйста. Побудь со мной. Впервые за двадцать лет...

Она долго ходила по комнате, но все время возвращалась ко мне, садилась в кресло:

– Любила ли я тебя? Наверное, да. Но потом это как-то забылось. Завертела жизнь. Бессрочная работа, без выходных, без праздников. Был и муж у меня. Но к тебе все примеряла. Не знала уже тебя, а примеряла. Ты для меня оставался символом каким-то...

– Иллюзия. Напридумывала...

– Не перебивай! Я никогда такого не говорила. Знаешь, каким я тебя вспоминала? Строгим. Помнишь в институте? Ты был редактором газеты... А сейчас? Кто ты сейчас? Какой ты? – Светлана встала с кресла, снова стала ходить по комнате.

Я чувствовал, не о том она говорит, что-то терзает ее. Мы уже переговорили обо всех знакомых, и вот она подошла к чему-то главному.

– Тебя жизнь ломала? – спросила напрямик Светлана. – Можешь не отвечать. Я кое-что знаю. Ведь ты дружил с Окуновой. Я ее всегда не любила: ханжа она. Но тут пошла

на унижение, чтобы о тебе узнать. Она, баба, все это прекрасно поняла. С каким-то упоением рассказывала о твоих мытарствах. Хотя я знаю: она тоже переживала. На Север, в отпуск, она приехала из-за тебя. Номер одноместный в гостинице сняла... Ты думаешь, ей Север был нужен? – Светлана, видимо, уже плохо владела собой. – Она и за Семена-то вышла замуж назло тебе. Ты помнишь Семена? Совсем спился. Вызывала его в обком. Ну, что за друзья у тебя были?

– Он талантлив. Помнишь, какой очерк написал об Ирише Самоховой?

– Вот как... И ты туда же? Вы все, чокнутые, любили ее. Она крутила вами, как хотела. Конечно, чемпионка мира. Летчица...

– Свет, ты не о том говоришь.

– О том. Я же видела, все знаю. Ты ездил к ней на Волгу. Ты был у нее! А потом, когда ты уехал, с ней Семен был. Он со многими, черт, пьяница, жил. А ты не знал...

– Знал. Так уж вышло. Он ее очень любил.

– Ты и уехал-то, скорее, сбежал, отсюда поэтому.

– Может быть... Но Семен ее любил. Он потом, через год, прислал мне неожиданное письмо. Это уже после того, как она разбилась. Плакал. Просил устроить его на Севере. А я не ответил ему.

– Ты правильно поступил. Он – подонок. Быстро к Окуневой переметнулся. Ребенок у них теперь незаконнорожденный...

– Господи, Боже мой, откуда ты все знаешь?

– Да уж так получилось. Все это с тобой связано. А когда он не удержал Окуневу от поездки к тебе, то обозлился. Это он распек райком за дружинников. Гадко так: привел слова растерявшегося Геннадия. И статью, первую, назвал «Беспризорный оперативный». А вскоре и вторую напечатал: «Конец непризорного оперативного».

– Я знаю. Теперь узнал. Татьяна мне показала вчера эти вырезки из газеты.

– Это он тебе мстил. Рад был, что твоего друга приложил.

– Глупости. Он и не знал, наверное, о Генаше.

– Ну, ты словно блаженный. А я думала, что ты приедешь, разберешься. Постоишь за честь друга. Ведь ты из большой газеты. Разве ты не понял, что задумали сделать с добрым именем Геннадия?

– А может, ты тоже честь мундира защищаешь, комсомольского только?

– Да?! – Светлана задохнулась. – Ну, знаешь ли? Мы поссоримся сейчас... Моя вина в одном: отпустила его в милицию. Кому это было нужно? Ему? Нет! Мне? Тоже нет. А в итоге? Я его сорвала с настоящей работы. Ты знаешь, каким он был специалистом по краскам! Он мог по запаху определить, на какой фабрике выпускали ткань.

– Света, каждый должен нести свой чемодан. Понимаешь, свой. И ты права: он тащил не свой чемодан в парткоме, райкоме, черт знает, где еще. Не в свою упряжку влез и в мили-

ции...

– Нет, не скажи. Он ведь был прекрасным замсекретаря парткома на комбинате. Его сразу же полюбили...

– Ты не права. Он был свой человек на комбинате. Потому что вырос там до большого человека. Вот и надо было ему работать на производстве, и никуда не лезть...

– Успокойся, не кури так много. Я знаю, что ты тоже считаешь себя не на своем месте. Но я так не думаю. Читала твои статьи. В них ты мудр, добр...

– Это называется «набить руку». Профессионализм. А здесь нужно что-то от Бога иметь. И это сразу стало заметно в большой газете. Понимаешь, сразу чувствуешь, что есть только опыт, мудрость жизненная. А таланта нет, легкости – ничего нет. Господи, Боже мой, так ужасно...

Я чувствовал, что теперь уже и меня понесло. Вдруг нахлынула такая тоска: потеря друга, неустроенность и неудовлетворенность во всем, болезнь, которой, вроде, и нет, – все разом свалилось на меня. Да еще рядом Светлана. Думал: останься я с ней, тогда, двадцать лет назад, какой была бы моя жизнь сейчас? Работал бы в областной газете, наверное, был бы с ней, растили детей. Неужели она любила меня? Полно, пустое. Я всегда боялся ее большевистской прямолинейности, потери свободы и самостоятельности. Все в прошлом...

– Скажи, ты счастлив? – спросила вдруг Светлана.

– Да. Наверное. Детьми, особенно сыном...

– Я знаю, ты всегда любил детей. Помнишь, как мы работали вожатыми в пионерском лагере? Фильм еще о нас снимали. Юля, их редактор, очень хорошо поняла тебя. Она ругалась с режиссером почти за каждый эпизод. Говорила, что ты не такой, каким та представляла тебя. Они не ссорились при тебе. А при нас не стеснялись в выражениях. Ты, кстати, видел тот фильм? Нет? Да, он долго не появлялся на экране. Прошел почти зимой, незаметно. Но я почувствовала тогда: дети – это твое дело. И редакторша почувствовала тоже. Она выбросила все надуманные сцены. Тебя почти не видно в кадрах, но ты был в каждом ребенке. Они говорили твоими словами, повторяли твои жесты, искали всюду тебя глазами. Это был хороший фильм. Я так и сказала потом Юле. Но, правда, уже через много лет. Когда она случайно зашла ко мне в гости. А она помнила тебя все эти годы. Ты дал ей что-то светлое, настоящее. Так она говорила.

– Не знаю. Да и не помню никакую Юлю. Они здорово мешали жить, работать с нашими беспризорниками.

Долго молчали. Каждый вспоминал наш подростковый лагерь, где мы, студенты, воспитывали около двухсот трудных мальчишек. Мы не могли объявить даже родительского дня – отцы и матери к детям не приезжали. Тогда мы бегали за четыре километра на станцию, покупали гостинцы, расфасовывали их по пакетам и тащили все это в лагерь. А на вечерней линейке вручали мальчишкам эти пакеты. Говорили, беря грех на душу, что гостинцы им прислали родители...

– Как мне хорошо с тобой, родной... Ты ближе всех, – тихо сказала Светлана. – Будто и не расставались. Словно мы прожили с тобой все эти долгие годы...

– А кто был твой муж?

– Не надо об этом. Все обошлось, улеглось...

– И все-таки. Мне хочется знать, кого ты выбрала?

– Военного. Он – красавец мужчина, до сих пор очень любит меня. Но я чувствовала, что лечу в пропасть, в пустоту, что задыхаюсь. Ты знаешь, как плохо, когда не хватает воздуха? Постоянно. Всегда. Мы совершенно не понимали друг друга. Это был робот: все-то ему ясно, предельно понятно, черное – это черное, а не серое или графитное. Ты понимаешь меня? Не хочешь понимать. Я так и думала...

Претензии, одни наслаиваются на другие, думал я. А если бы я оказался на месте этого «робота». Ну, вдруг, почему бы нет? Да со своими комплексами, неудачами. Нет, не хотел бы я такого безапелляционного судью при себе иметь.

– Последняя капля была, когда он пришел как-то вечером в приемную обкома, – продолжала говорить Светлана. – Я вела бюро. Ругань получилась с представителями одного района. Не комсомольскими, хозяйственными. Я распекала их, на высокой ноте держала речь. И вдруг открывается дверь, и входит мой капитан внутренней службы Ваня Абалкин, спокойно так садится в креслице для приглашенных. Я лишилась дара речи. Молчу. Все смотрят на него, потом

на меня. Молчат, естественно, тоже. Ваня встает тогда и говорит: «Светлана Аполлинарьевна, не пора ли нам домой? Суббота нынче, помыться еще надо...»

Второй секретарь подхватил эстафету, завершили в спешке бюро. А я сидела и смотрела на мужа. Он достал журнал, углубился в чтение... Он, наверное, до сих пор не понимает, почему я ушла от него. Ходил в обком партии, верните мне жену, просил.

– А где он сейчас?

– На учебе. Присылает открытки на праздники: «Глубокоуважаемая Светлана Аполлинарьевна...». – Ты уже уходишь? Ну, позвони, кому обещал встретиться, откажись. Ну, пожалуйста, не огорчай меня...

Я дозвонился до Кузьмина, он был в райотделе. Попросил меня срочно приехать. Объяснять по телефону ничего не стал. Сказал лишь: «Жду». Светлана стояла, молча смотрела, как я надевал плащ, закуривал. У двери протянула руку, отвела глаза, сказала:

– Прости, Андрей. Я всего лишь женщина. Вот и кончился мой праздник...

Спустился к набережной небольшой речушки, по берегам которой притулились старые ткацкие фабрики. Сквер – ухожен, построили рядом с ним стадион. Здесь я взял первую информацию о городском субботнике, напечатал ее в газете. Сорок строк, но какой это был праздник – заметка в газете! Она до сих пор хранится у меня. Сколько потом было

встреч, поездок, статей. Но эту маленькую заметочку всегда вспоминаю с особым чувством.

Мостик через реку. Такой же шаткий, качающийся из стороны в сторону. Стоп. Здесь мы впервые поцеловались со Светланой. Сбежали с лекции, ходили по этому скверу, ели мороженое. На этом мосту Светке стало страшно, она остановилась, закрыла лицо ладонями. Я отнял руки, посмотрел ей в глаза. Она потянулась ко мне, ткнулась в губы. Мой закомплексованный секретарь! Как любил я тебя! И как боялся твоей непогрешимой серьезности, с которой ты относилась к любому делу... И ко мне.

Глава четвертая

Кузьмин пребывал не в духе. Я понял это, когда вошел в кабинет. Он чувствовал себя неудобно в темно-сером с модным рубчиком костюме. Горела настольная лампа.

Не глядя, Кузьмин отключил селектор, вышел из-за стола. Стоял, набычившись, поверх очков смотрели колкие серые глаза.

– Можем говорить. Я всю аппаратуру переключил на зама. Слышали о Маркине?

– Нет.

– Мой ученик. Носил погоны старшим лейтенанта, когда я сделал его замом. Небывалый случай. Молод, конечно, но нюх. Опер – классный. Возраст не позволяет сделать его начальником. И тщеславен. В остальном – хоть куда. Впрочем, что это я? Старею что ли?

– Вы ради меня приехали в воскресенье в райотдел?

– А я и не уезжал. Хотел вчера поехать в семью Геннадия, но Маркин не отпустил, захмелел я. Закрыв в кабинете, вот так и сижу здесь, только переоделся в «гражданку». Когда Маркин узнал, что вы едете, предлагал мне сбежать... Боится он вас. То ли за меня, то ли за себя. Да, дочь звонила и зять. У Фетрова мой родственник в отделе служит. Говорил, что я тому козыри в руки даю. А я плевать хотел. Пусть он боится. Я отбоялся свое. Но дело не в этом. Вчера узнал

я плохое: Фетров добился своего. Не надо писем писать, ходатайствовать. Не будет доброй памяти о Геннадии Николаевиче. Даже уголок в райотделе запретили открыть. Завтра большое начальство из Москвы прилетает. Потом – коллегия управления...

– А как генерал Миронов?

– Не допустили к нему. И правильно сделали. Я сильно выпимши был, когда Фетров мне доложил об этом решении. Это после того случилось, как вы с мамой Геннадия уехали. Фетров сам молчал, он устами замначуправления сказал. И если его, полковника горотдела, я мог послать куда подальше, то здесь – кранты. Служба. Субординация.

– Поедемте отсюда.

– Только хотел предложить. Я вызову машину. Поедем на кладбище. Там тихо. Там и поговорим.

– Опять с мигалками?

– Нет, у нас есть и обычный транспорт, «Жигули». Я знаю, вы на машине приехали в город. Но я хочу, чтобы вы поехали со мной. Посидим, поговорим, вспомним...

– Я пришел в райотдел пешком...

Кузьмин позвонил, закрыл ящики стола на ключ, осмотрел кабинет и твердой походкой пошел к дверям.

Сказав, что догоню его, набрал телефон Светланы. Она, к удивлению, спокойно выслушала меня, сказала, что весь день будет дома. Пошел к двери. В приемной разговаривали:

– Удобно ли, товарищ полковник? – говорил кто-то. –

Ведь он из Москвы. Вы его не знаете. Не повернет ли он все против вас? Ваше положение и так хуже некуда...

– Молчи, прошу тебя, молчи, Маркин. Он друг Гены. Понимаешь, друг?! Мне Петров рассказывал о нем. В общем, все! Ты на хозяйстве. Меня нет. Я с сердцем, печенками, с чем угодно: в деревне, на рыбалке, как угодно, но нет меня. Ты – голова. Действуй! Часа через два пришьешь машину на кладбище... И молчи. Он за дверью стоит и все слышит.

Дверь открылась. Рядом с Кузьминым – капитан, высокий, с румяными по-детски щеками. Черные, вьющиеся волосы закрывали уши, спадали на большой белый лоб. Глаза острые, живые.

– Капитан милиции Маркин, – сказал он. – Заместитель полковника Кузьмина по оперативной работе. Машина ждет у входа... На два слова можно вас? – обратился Маркин ко мне и открыл дверь напротив.

– Потом, капитан. У тебя будет еще время, – оборвал полковник и потянул меня на выход.

Вышли в коридор, перед лестничной площадкой стояло зеркало в полный рост: смотри, разглядывай себя со всех сторон. Кузьмин заметил, что я остановился у этого огромного зеркала, сказал:

– Петров придумал. Во всем отделе расставил зеркала в полный рост. Все видно, не спрячешься...

У подъезда ждала обычная машина – «Жигули».

Глава пятая

Машину полковник сразу же отпустил и направился к центральной аллее кладбища.

– Вот здесь чуток посидим, – сказал он, останавливаясь у памятника солдатам. – Помянем ребят.

Сели на лавочку, закурили. Он достал узкую фляжку с коньяком. Отпили армянского по несколько глотков.

– Ты... Вы странный какой-то, газетчик. Молчишь все больше. Ну, да это ваше дело. Вы будете писать о Геннадии? Только не надо писать в наш ведомственный журнал, – сказал Кузьмин. – Я понимаю, вам неудобно в своей газете печататься. Во-первых, друг, во-вторых, сложности появились с фактом его смерти. Но и в журнал тогда не надо. Не поймут там, дополнительными проверками замучают. Ведь они каждый подготовленный материал перед печатанием в управление присылают. И начинается перестраховка: как бы чего не вышло. С одной стороны, хорошо, что о нас вроде бы вспомнили, а с другой – лишние хлопоты.

– У них есть сильные журналисты, – сказал я.

– Наверное. Читаем иногда. Но, по правде говоря, нам не встречались. Значит, не везло нам.

– Вот и сейчас не повезло, – усмехнулся я. – Честно говоря, пока сам не знаю, что делать...

– Вообще ничего не пиши. Можно на «ты»? – Я кивнул. –

Ты, Андрей, приехал к другу. Ты отдал ему должное. Тебе тяжело. Знаю по себе, хотя я с Геннадием прослужил лишь год. Я однажды послал к нему провинившегося офицера. Для воспитательной беседы. И забыл об этом. Забегаю к замполиту через полчаса взять справку для селекторного совещания. Остолбенел, когда увидел, как он с этим провинившимся сидит, в шахматы играет. Засверкал я глазами, ноздри раздул. А он спокойно так говорит: «Вот тебе мат, Иванов. И серьезно подумай, о чем мы с тобой говорили. А сейчас – свободен». «Что это значит, замполит?», – спрашиваю, как только офицер вышел. «Воспитательная беседа, – смеется Геннадий. – Не волнуйся, Трофим Кузьмич, все, что нужно, он получил, думаю, понял. А в шахматы он классно играет».

Вспылил я, закричал на Петрова. Он выслушал, говорит: – Вот если с ним еще раз повторится подобное, то накажете меня. И не надо кричать. Он с норовом, не смотрите, что молодой специалист. Физико-технический факультет университета окончил с отличием, мог бы в КБ на космос работать. Но пошел в милицию. Потому что убежден: его место здесь, с нами. Простите за высокопарность, но он пришел в милицию бороться с социальным недугом нашего общества. А на занятия он опоздал потому, что у сына ветрянки, а жена в школе не могла сорвать урок.

Помолчали. Потом Кузьмин сказал:

– Пойдем к Геннадию...

Прошли тропинкой возле гранитных плит и лестницы, ведущей на возвышение, к стеле. Вышли на боковую дорожку, по обе стороны ее – недавние захоронения. Часть могил просела.

Подходим к совсем свежему могильному холмику. Венки прислонены к штакетнику. На ней – черная гранитная плита: «Капитан милиции Петров Геннадий Николаевич». Дата рождения и смерти. Ниже: «От сотрудников Ленинского РО-ВД, родителей, жены и детей. Память о тебе навсегда останется в наших сердцах».

Обошли памятник, на боковой стенке успел прочитать: «Хозо УВД».

– Маркин пробил в хозяйственном отделе УВД, – сказал Кузьмин. – Заготовили дюралевую стелу, но не понадобилась, стоит в райотделе. Через пару недель земля чуточку осядет, тогда придем еще раз и приведем могилу в полный порядок. Надо дёрна нарезать, цветы посадить. Я все-таки думаю, что будем еще сюда молодых ребят приводить. Пусть постоят, подумают, как надо жить.

– А Фетров? – спросил я.

– Что Фетров? Это уж, простите, не его дело. Да он и знать не будет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.